

In memoriam

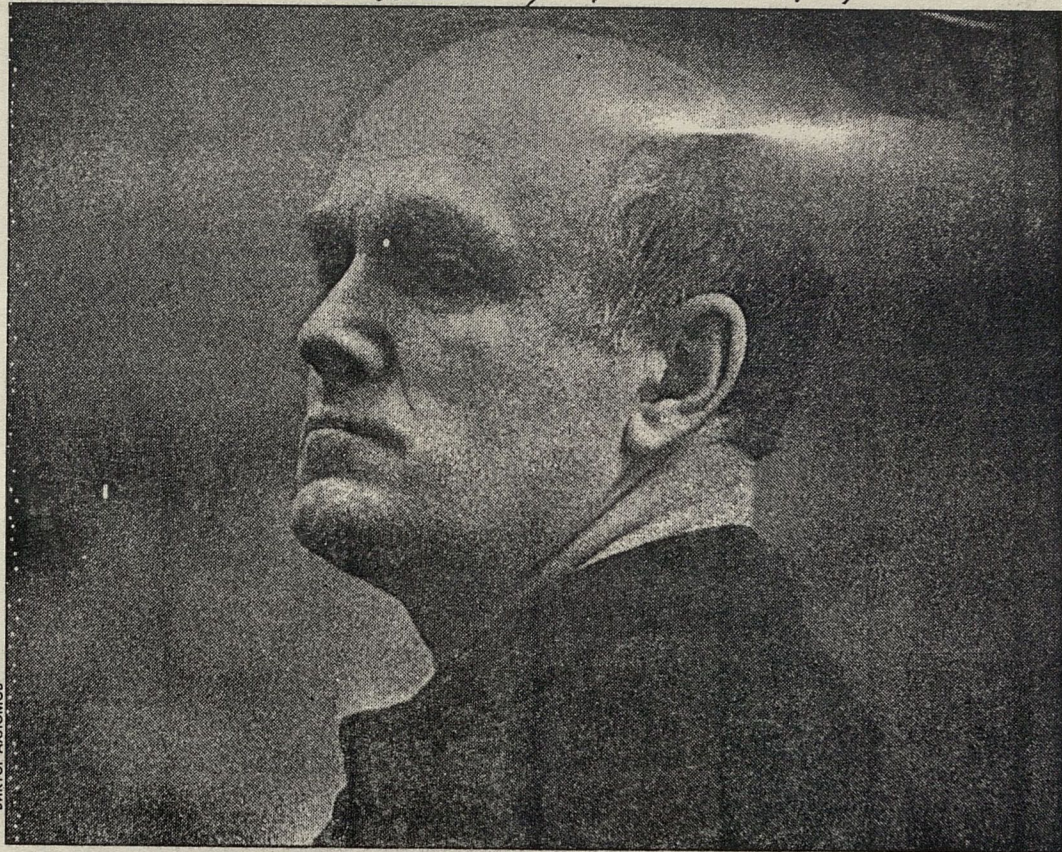
на скорую руку

Коммерсантъ, 2000. — 22 марта. — с. 14

В Большом зале консерватории состоялся концерт, посвященный 85-летию Святослава Рихтера. Для этой ответственной мемориальной акции ее устроители — ГМИИ им. Пушкина, культурный отдел посольства Германии в Москве и тарусский фонд Рихтера — собрали всех, кто оказался под рукой.

В компании с немцем Петером Шрайером (вообще-то приехавшим в Москву для исполнения «Страстей по Иоанну») и бесхозным ныне Госоркестром под неумелым руководством Александра Рудина давние рихтеровские партнеры — Квартет им. Бородина и виолончелистка Наталия Гутман — выглядели достойно и, тем не менее, странно. Яркая дворжаковская программа из фортепианного квинтета, хорошо подготовленного бородинцами (партия фортепиано — Людмила Берлинская), и виолончельного концерта с отличной солисткой Наталией Гутман, наскоро дополненная Шубертом — симфоническим («Итальянская увертюра») и вокальным (шесть песен в исполнении не подходящих друг другу по масти Петера Шрайера и Юрия Мартынова, фортепиано), восхитила человеческой отзывчивостью музыкантов, но оттолкнула несоответствием некоторых статусу мероприятия.

Разумеется, это всего лишь устроенный в обход филармонического графика, не фамиллярный по тону и соборно-семейный по сути жест памяти великого гияниста. Однако явный недочет большинством исполнителей живых свойств игры Святослава Рихтера серьезно разочаровал. По постной слаженности бородинцев в квинтете, по квазиромантическому жеманству аккомпанировавшего простосердечному Петеру Шрайеру, по невыученной экс-светланов-

ВИКТОР АХЛОНОВ

В коллективной памяти о себе Рихтер оставил слишком много пробелов

цами «Итальянской увертюры» и по партнерской неравноценности Наталии Гутман и корявого Госоркестра я, например, поняла, что идеальная самодостаточность Рихтера куда-то безвозвратно исчезла. Может, играть хорошо — атавизм?

Разумеется, без Рихтера порихтеровски не сыграешь. Его гуманитарно-музыкальная цельность и вкусовое наитие не из рода искусственно воспроизводимых. Понятно, что Рихтером двигала не манера, а профессиональная глубина, человеческий интерес — а не прагматический поиск отзывчивых партнеров.

Щедрым по природе, Рихтер оставался ребенком почти во всем, кроме искусства. Совершенство любого сценического и жизненного союза он искал среди резонирующих с его собственными чувствами и мыслями людей. Потому идеальность рихтеровских интерпретаций — это столько же действительность, сколько и миф. Многомерность осмысленного им как уникум сценического контакта предоставила его партнерам множество биографических плюсов, однако самого Рихтера как бы лишила права на собственную биографию. Теперь вместо нее — записи, недоступ-

ные архивы рихтеровского музея-квартиры и обрывочные комментарии тех, кто рано или поздно был с ним рядом.

Конечно, память о нем материализации не поддается. Жизненность соприкосновения с рихтеровским — лишь в качестве исполнения. Но концерт подарил другое: в лучшем случае — постную возвышенность выученных партий, в худшем — конфликт красивой мелодии с фальшивой гармонией. Впрочем, что такое музыка в ситуации гражданского жеста? Сущий пустяк.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ